

ПОДЛИННЫЙ ДЖЙОТИШ

КАРМА И СВОБОДА В БРИХАТ ДЖАТАКЕ

Мата Сури

КНИГА ВТОРАЯ

Мата Сури

Подлинный Джйотиш. Карма и Свобода в Брихат Джатаке

<https://litres.ru/74486909>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вам сказали: «у вас тяжёлый период», и вы живёте в ожидании удара. Вам сказали: «это карма», и вы приняли это как приговор. А в древнем первоисточнике по джйотиш Брихат Джатака VI века, слова «судьба» нет вообще. Есть накопленное, и оно бывает двух видов: одно созреет в свой срок, что бы вы ни делали, а другое поддаётся изменениям. Различить их – значит узнать, где стена, а где дверь. Мата Сури разбирает по старой школе джйотиш, что человек может изменить, а что нет; почему один и тот же период у двух людей даёт разное; откуда берётся горе и почему оно рождается из привязанности; что за чертой знает эта наука и чего не знает никто. Три действия с кармой, которые работают. Вторая из трёх книг цикла о Брихат Джатаке. Книга о том, где в вашей карте лежит карма и как прийти к свободе.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ОБ АВТОРЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧТО ТАКОЕ СУДЬБА	8
1. СЛОВА «СУДЬБА» ЗДЕСЬ НЕТ	8
2. ЧИСТЫХ СОБЫТИЙ НЕ БЫВАЕТ	11
3. ЗАЧЕМ ВООБЩЕ НУЖНА ЭТА НАУКА	14
4. ПОЧЕМУ ДРЕВНЕЕ ЗНАНИЕ ТАК СУХО	17
5. ГЛИНА, КОТОРАЯ ЕЩЁ МЯГКАЯ	20
6. СТРЕЛА, СПУЩЕННАЯ С ТЕТИВЫ	23
7. СТИХ ВЬЯСЫ	26
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ	30
8. УКЛОНИТЬСЯ	30
9. ДАТЬ С ИЗБЫТКОМ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мата Сури

Подлинный Джйотиш.

Карма и Свобода

в Брихат Джатаке

ВВЕДЕНИЕ

Двое приходят ко мне с одним и тем же тяжёлым показанием в карте. Стоит оно у обоих одинаково, читается одинаково, и говорю я обоим одно и то же. Первый выслушивает, задаёт три вопроса и уходит работать: он знает теперь, где у него тонко, и складывает жизнь с оглядкой на это. Через полгода у него всё то же тяжёлое место, и живёт он с ним иначе. Второй выслушивает и складывает руки: раз написано, значит, решено. Через полгода он потерял ещё и то, что у него было. Показание было одно, и оно сбылось у обоих. Разошлись они в другом. Об этом другом и написана эта книга.

Два вопроса мне задают чаще всех остальных, и задают их разные люди одними и теми же словами. Первый приходит, когда в жизни случилось тяжёлое: за что мне это. Второй приходит, когда человек услышал слово «карма»: значит, всё решено заранее, и от меня ничего не зависит. На первый во-

прос я не отвечаю никогда, и в этой книге объясню, почему: не потому, что ответ спрятан, а потому, что его нет ни у кого, и всякий, кто его называет, сочиняет. На второй вопрос ответ есть, и он старше полутора тысяч лет. Он не совпадает ни с одним из двух ходовых. Всё предрешиено – так эта наука не говорит. Ничего не предрешиено, старайся и получишь – так она не говорит тоже. Она говорит третье, и это третье я знаю не из книг: накопленное человеком делится надвое, и с каждой половиной делают разное. Одна созреет непременно, и от неё уклоняются. Вторая поддается усилию, и её успокаивают. А поверх обеих стоит усилие самого человека, и древнее слово ставит его выше судьбы.

Эта книга о свободе, и говорить о ней я буду через карту, потому что карта – единственное место, где свобода видна с границами. Всё остальное, что о ней написано, написано без границ, и потому либо обещает всё, либо не обещает ничего. Карта показывает, что человеку дано, и показывает подробно: тело, род, склад, поры, связанные между собой стороны жизни. И она молчит о том, что он с этим сделает, потому что этого ещё нет на свете. Между показанным и несуществующим и лежит всё, о чём здесь речь.

Здесь будет и то, чего в первой книге не было и быть не могло. Там я учила читать. Здесь я говорю о том, что за чтением: откуда взялось накопленное и куда оно уходит, почему человека вообще можно читать по небу, что такое свет, давший имя этой науке, и что в человеке знает три време-

ни. Тут есть места, которые я называю мистикой без стеснения, потому что источник называет их так же спокойно, как называет цену на медь. Планета, чей плод приходит во сне. Внутренний «атман», который делается благим вслед за порой. Две дороги, которыми открывается и закрывается книга. Я даю их как знание, без придыхания и без доказательств, потому что доказывать здесь нечего, а знать стоит.

Учить читать карту эта книга не берётся, это сделано в первой. Здесь другое, и оно важнее счёта: понимание того, как устроена ваша жизнь между данным и сделанным, и где в ней лежит ваша собственная работа. Скажу сразу, чего вы здесь не получите, потому что за этим приходят чаще всего. Вы не получите ответа «за что». Вы не получите обещания, что усилие берёт всё. Вы не получите ни камня, ни обряда за деньги, ни списка вин прошлой жизни. Древняя наука ни разу не обещает человеку власти над его жизнью. Она даёт ему место, где действовать, и говорит, насколько это место велико. Наука, обещающая большее, обещает то, чего у неё нет. Я держусь этого правила 22 года и держусь его здесь.

ОБ АВТОРЕ

Мата Сури – мастер джйотиша, исследователь ведической традиции и старой школы джйотиш. Автор программы «Подлинный Джйотиш», книг по Брихат Джатаке и древнему аутентичному джйотишу. Эта книга – вторая из трёх: первая – «Как читать Брихат Джатаку», третья – «Тайные знания Брихат Джатаки».

Сайт автора: matasuri.ru

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧТО ТАКОЕ СУДЬБА

1. СЛОВА «СУДЬБА» ЗДЕСЬ НЕТ

Человек говорит о себе «такая уж у меня судьба» и в ту же минуту выходит из числа действующих лиц собственной жизни. Дальше он смотрит на неё со стороны и объясняет этим словом всё подряд: и то, что от него действительно не зависело, и то, чего он просто не делал. Слово удобно тем, что закрывает разницу между стеной и незапертой дверью, и проверять эту разницу становится незачем. Я слышу это слово на каждом разборе, и первое, что делаю, – убираю его из разговора, потому что в науке, по которой я работаю, его нет.

У нас «судьба» несёт две вещи разом: неизбежность и чужую волю. Кто-то или что-то распорядилось, а человеку остаётся вытерпеть. В этом смысле его произносят и в этом смысле продают, когда предлагают судьбу исправить. Древняя книга на месте этого слова держит другое, и устроено оно иначе. Первая содержательная строка всего труда говорит о карме, о деле, о поступке: созревание того доброго и прочего, что накоплено собственным делом в прежнем су-

ществовании, раскрывает эта наука. Здесь сказано: речь о накопленном, и накопил его сам человек, своим делом. Чужой воли в этой строке нет. Есть счёт, который человек вёл сам и который теперь предъявлен. Разница между двумя словами решает всё дальнейшее. Судьба приходит извне, и спорить с ней бессмысленно. Накопленное пришло изнутри, и тот, кто его накопил, продолжает копить прямо сейчас. Первое оставляет человека страдательным лицом. Второе делает его действующим, причём и в прошлом, и в настоящем.

Поэтому и вопрос «что мне суждено» в этой науке поставлен неверно, и верного ответа на него не бывает. Верный вопрос звучит иначе: что у меня накопилось и что из этого созревает сейчас. На него ответ есть, и он проверяем. Это отражается и на самом языке источника. Он нигде не говорит «человеку суждено». Он говорит: рождённый бывает таким-то, плод его таков. Плод – то, что созрело из посаженного. Образ земледельческий, и он держится за дело самого человека. Чужого решения о нём в этом образе нет.

Сказавший «у меня созревает накопленное» остаётся тем, кто копил, и тем, кто копит сейчас. Вопрос о том, что с этим делать, у него после таких слов только открывается. Человек, сменивший в своей речи одно слово на другое, меняет положение, из которого смотрит на жизнь: из зрительного зала он переходит на сцену. Я видела, как это делает с людьми одно это слово, и потому начинаю с него.

Покажу, как это выглядит в разговоре, потому что вещь

эта не отвлечённая. Женщина говорит мне: у меня судьба такая – одна поднимать детей. Я спрашиваю, что в этом дано. Дано: муж ушёл, дети есть, денег мало. Что сделано: она отказалась от помощи матери, потому что гордая; не пошла учиться, потому что некогда; не взяла работу с переездом, потому что страшно. Три решения, и ни одно из них не судьба. Она их приняла, и принимала каждый день заново. Когда это разложено, слово «судьба» само уходит из разговора: остаётся данное, с которым ничего не сделать, и сделанное, которое можно сделать иначе. Я не говорю ей, что она виновата. Я говорю, что она действует, и действовала всё это время, и потому может действовать иначе. Из зрительного зала на сцену: в этом весь переход.

Индийская мысль знает и слово, означающее предопределение, и слово, означающее человеческое усилие, и спор между их сторонниками шёл веками. Книга, по которой я работаю, в этот спор не вступает. Она берёт устройство, при котором работают оба, и работает внутри него. Полторы тысячи лет спустя мы приходим к ней со спором, который она обошла стороной, и она отвечает нам тем, что просто показывает устройство. Дальше я его покажу.

2. ЧИСТЫХ СОБЫТИЙ НЕ БЫВАЕТ

Человеку досталось событие, в котором есть и то и другое, а он ищет, к какой половине его отнести. Радоваться или горевать. Благодарить или считать себя наказанным. И пока он этого не решил, он не может ни принять случившееся, ни двинуться дальше, потому что живёт в неразобранном. Это самое частое мучение из всех, какие я вижу, и снимается оно одним словом, которое стоит в самом начале источника.

Накопленное бывает трёх родов: доброе, злое и смешанное. Третье слово пропускают почти все, а в нём лежит половина утешения. Возьмите обычное человеческое дело и попробуйте развести его надвое. Отец, всю жизнь работавший на семью и не бывший дома ни одного вечера: он кормил, и дома его не было, и сделал он это одним действием. Врач, лечивший людей и разоривший на этом своё здоровье. Женщина, поднявшая детей одна и державшая их при себе так крепко, что они не ушли и в сорок. Помощь, оказанная из тщеславия. Правда, сказанная из злости. Что из этого доброе и что злое? Смешанное, и древняя книга даёт этому свой разряд, не пытаясь развести.

Раз накопленное бывает смешанным, смешанным бывает и плод. Приходящее к человеку не обязано быть либо наградой, либо бедой: оно бывает тем и другим в одном событии, и это его обычное состояние. Повышение, которое отняло

семью. Наследство, которое рассорило родню. Болезнь, которая остановила человека и тем спасла его дело. Люди требуют от события чистоты и мучаются, когда событие не поддаётся делению. Разряд смешанного снимает этот вопрос целиком. Относить никуда не надо. Событие устроено так, как устроено большинство человеческих дел: в нём есть обе стороны, и обе настоящие. Человек, который это понял, перестаёт требовать от жизни разделённости, которой в ней нет, и начинает разбирать её по частям: вот здесь мне дали, вот здесь у меня взяли, и оба раза одним движением.

Я учу этому на первой же встрече, и вот как это выглядит. Человек рассказывает о событии и ждёт, что я скажу, хорошее оно или плохое. Я прошу его назвать, что оно принесло и что унесло, по отдельности, двумя списками. Списки почти всегда одинаковой длины. И человек, который только что не мог принять случившееся, вдруг видит его целиком и говорит: да, так и было. Принять можно только целое. Половину принять нельзя, потому что вторая половина всё время торчит.

Смешанное объясняет и то, почему одни и те же люди в жизни человека оказываются и его опорой, и его бедой. Мать, которая вырастила и не отпустила. Учитель, который дал знание и привязал к себе. Друг, который спас и потом всю жизнь напоминал об этом. Человек мучается: как мне к нему относиться, если он и то и другое. По разряду смешанного – никак не надо относиться целиком. Есть то, за что

благодарят, и то, от чего защищаются, и оба в одном человеке, потому что и накопленное, из которого он к вам пришёл, было смешанным. Тот, кто требует от людей чистоты, остаётся один; тот, кто умеет держать в одном человеке обе стороны, живёт среди людей.

В этом разряде нет вины. Древняя книга называет три рода накопленного и не даёт перечня того, из чего каждый род набирается: слово «прочее» стоит у неё вместо списка, и списка этого нет нигде. Она знает, что накопленное созревает, и не говорит, чем оно нажито. Всякий, кто называет вам вашу вину из прошлой жизни, берёт это со стороны. К этому я вернусь в своём месте, а здесь скажу главное: смешанное событие не требует виноватого. Оно требует разбора, и разбор ему по силам любому.

3. ЗАЧЕМ ВООБЩЕ НУЖНА ЭТА НАУКА

Прежде чем идти дальше, надо ответить на вопрос, который стоит перед всякой наукой о будущем: зачем она. Древний комментатор отвечает в самом начале своего труда, и ответ его короткий, а в нём два назначения, и они разные. Первое: раскрывать людям созревание прежнего дела. Второе: от того, что достойному сказано благое и неблагое, приходит удача в этом мире и в том.

Первое назначение – раскрывать. Слово, которым это сказано, означает проявление, обнаружение: то, что было скрыто, становится явным. Эта наука ничего не производит и ничего не назначает; она делает видимым то, что и так собралось. Поэтому и образ, который я взяла в первую книгу: как светильник вещи во тьме. Внесённый в тёмную комнату светильник не приносит в неё вещей, они там уже стоят. Кто ждёт от карты, что она что-то даст или отнимет, ждёт от светильника, чтобы он переставил мебель.

Второе назначение неожиданно, и говорит оно о деле. От того, что достойному сказано благое и неблагое, приходит удача. Польза происходит от того, что человеку сказали и что он после этого сделал. Одно знание своей карты пользы ещё не даёт. Сказали благое – и он вложил сверх обычного. Сказали неблагое – и он уклонился. Польза лежит в поступ-

ке, который следует за словом, и знание, не перешедшее в поступок, никакой пользы не приносит. Вот ответ тем, кто спрашивает, зачем знать своё время, если изменить его нельзя: потому, что изменить можно себя в этом времени, и это делается только после того, как время названо.

Задержитесь на слове «достойному», потому что оно касается всякого, кто говорит с людьми об их картах. Сказывание приносит плод, когда сказано достойному. Это слово обычно понимают как сословное, и рядом комментатор действительно ставит сословное ограничение, которым я не пользуюсь: оно судит людей меркой общества, которого нет полторы тысячи лет. Но само слово шире: оно означает годного сосуда, того, кто примет сказанное и сумеет с ним обойтись. Сказанное не всякому приносит плод. Одному сказанное о трудном даёт осторожность, другому – опускающиеся руки. Одному сказанное о благом даёт вложить, другому – расслабиться и не делать ничего. Эта наука по своему устройству знает, что слово работает через человека, и потому ставит условие на человека.

Так и вышло с двумя людьми, с которых началась эта книга. Показание одно, слово одно, а плод разный, и разница лежала в том, кто слушал. Древняя книга поставила это условие первым и назвала его прямо, и я не знаю ни одной нынешней книги по астрологии, где оно вообще упоминалось бы. Отсюда правило, которое я держу твёрже прочих: прежде чем назвать трудное, я думаю, что человек с этим сделает.

Если делать с этим нечего, называть незачем, и молчание будет честнее слова. И правило для того, кто слушает: прежде чем спросить, подумайте, что вы сделаете с ответом. Тот, кто спрашивает, чтобы бояться, получит страх. Тот, кто спрашивает, чтобы действовать, получит место для действия.

А кончается то же место строкой, которую я привожу без поправок: знающий эту науку обретает закон, пользу, освобождение и славу. Три обычных цели человеческой жизни – закон, польза и освобождение, и четвёртой названа слава. Наука объявлена путём ко всем целям разом, и отсюда её устройство: служащая четырём целям обязана говорить и о браке, и о деньгах, и о болезни, и о посмертном пути, одним тоном и с одинаковой мерой внимания. Разделения на житейское и высокое в ней быть не может, и вот почему рядом с рассуждением о мире, откуда пришла душа, стоит перечень занятий. Я держусь того же: у меня нет «духовных» вопросов и «бытовых». Деньги и освобождение читаются одной наукой, и человек, стыдящийся спросить о деньгах, не понял, из чего сделан мир.

4. ПОЧЕМУ ДРЕВНЕЕ ЗНАНИЕ ТАК СУХО

Читатель, впервые открывший древнюю книгу о карме, удивляется её тону. Он ждёт проповеди, утешения, тайны – и находит счёт: доли знака, вклад планеты в срок, перечни занятий. О карме сказано один раз, в первой строке, и дальше слово это не повторяется в виде отдельного разбора ни разу. Человек закрывает книгу с чувством, что о главном в ней не написано. Написано. Просто написано так, как пишут для своих.

Автор сам говорит в последней главе, ради кого сделан его свод: ради тех, кто ведёт год, придворных счётчиков времени. Книга писалась для людей одного ремесла, которые уже знали счёт и которым нужно было изложение предания. Отсюда сжатость, и отсюда трезвость: разговор идёт между своими, и украшать нечего. Держать это в уме стоит, читая её места о карме. Они писались не для утешения и не для проповеди. Они писались для человека, которому завтра идти к колыбели и отвечать за сказанное головой. Звездочёт при дворе VI века был лицом должностным: вёл календарь, назначал сроки, отвечал за приметы и за то, в какой день выходит войско. Тот же автор написал большой свод обо всём, что связывает небо и землю: приметы, дожди, где под землёй лежит вода и как её найти, как ставить дом, самоцветы.

Труд о человеческой судьбе и наставление о том, где копать колодец, вышли из-под одного пера. Человек, который среди прочего указывает, где копать, привыкает к тому, что его слова проверяются лопатой.

Вот почему карма в этой книге нигде не выделена в отдельную главу. Она не тема. Она основание, на котором стоят все 28 глав: всякий плод, названный в любой из них, есть созревание накопленного. Сказано об этом один раз, в начале, и дальше подразумевается всюду. Так строят дом: фундамент кладут один раз и потом на него не смотрят, и держит он всё. Человек, ищущий в книге «главу о карме», ищет фундамент на крыше. Глава о браке – о карме. Глава о средствах жизни – о карме. Глава о том, где искать пропавшую вещь, – о ней же, потому что и вещь пропала по созреванию накопленного. Разделения на «кармическое» и «бытовое» здесь нет, и я прошу учеников отучиться от слова «кармический» как от лишнего: в этой науке кармическое всё.

Сухость эта – свойство доверия. Книга, которая обещает, украшает: ей нужно, чтобы читатель поверил. Книга, которая знает, что её проверят лопатой, говорит коротко. Я держусь того же тона и в своей работе, и в этой книге, хотя она о вещах, о которых принято говорить с придыханием. О свете, знающем три времени, древний автор сказал в одной строке и пошёл дальше считать долготы. Я говорю о нём не длиннее и тоже иду дальше. Тот, кому нужно придыхание, найдёт его в других книгах. Тот, кому нужно знание, найдёт его здесь,

и узнает по тому, что оно не просит, чтобы в него верили.

И одно следствие, которое касается вас как читателя. Раз карма – основание, то и ваша работа с ней не отдельное занятие, для которого нужно особое время, место или посредник. Она делается в каждом деле, о котором эта книга говорит: в том, как вы уклоняетесь в трудную пору, отдаёте в лёгкую, держите себя рядом с теми, кто от вас зависит, и что говорите себе о своей жизни. Нет отдельной «работы с кармой». Есть жизнь, прожитая с пониманием устройства, и это единственная работа с кармой, какую знает древняя наука.

5. ГЛИНА, КОТОРАЯ ЕЩЁ МЯГКАЯ

Всё накопленное делится надвое, и это деление держит на себе весь разговор о свободе. Одна часть нажита твёрдым делом, другая – нетвёрдым. Слова стоит взять в руки, потому что в них образ, а образ объясняет дело лучше рассуждения. Твёрдое – «дридха»: крепкий, плотный, затвердевший. Так говорят о засохшей глине и о крепко затянутом узле. Нетвёрдое – «адридха»: не затвердевшее, ещё мягкое. Глина, пока мягкая, поддается руке: её мнут, правят, переделывают. Обожжённая глина руке не поддается; её можно разбить, и переделать её нельзя.

Всякий человек носит в себе и то и другое, и работа его жизни состоит в том, чтобы отличать одно от другого на ощупь. Я говорю «на ощупь», потому что глазом это не различается, и ниже объясню, почему. Но сначала о самом созревании, потому что здесь лежит вещь, из-за которой люди теряют веру в устройство мира.

Приход плода назван словом «пака»: варка, доведение до готовности огнём; тем же словом называют пищеварение и созревание плода на ветке. Образ телесный: накопленное варится, доходит и подается. Отсюда две вещи, которых в разговорах о карме обычно нет. Первая: у созревания есть срок, и плод не падает раньше времени и не висит вечно. Вторая: пока варится, оно не подано. Накопленное уже есть, а чело-

век живёт, ничего о нём не зная. Этим объясняется то, что сбивает с толку чаще всего. Человек поступил дурно, и ничего не случилось. Поступил дурно во второй раз, и опять ничего. Отсюда он делает единственный вывод, который напрашивается: никакого счёта нет, всё это выдумки, и живут те, кто берёт. А счёт есть, и он просто не подан к столу. Варится. И обратное верно с той же силой. Человек годами делает своё дело честно и не видит ничего. Он приходит и спрашивает: где же плод. Плод созревает, и срок ему не назначается желанием того, кто ждёт. Терпение в такой картине – понимание механики, и добродетелью его звать незачем.

Женщина рассказывала мне, как двадцать лет назад отдала чужому ребёнку то, что откладывала на своё, и ничего не получила взамен, ни благодарности, ни отдачи. Она рассказывала это с обидой, как о напрасном. Через год после нашего разговора тот ребёнок, давно взрослый, нашёл её сам, в пору, когда ей было тяжелее всего, и держал её три года. Плод варился двадцать лет. Он не был напрасным ни одного дня из этих двадцати, он просто не был подан. И обратное я видела столько же раз: человек берёт чужое и живёт хорошо десять лет, и все вокруг говорят, что счёта нет. Потом счёт подаётся, и подаётся целиком, потому что варился долго. Я не обещаю никому ни того, ни другого в срок. Я говорю: у созревания есть срок, и не вы его назначаете.

Читаются два разряда двумя разными орудиями, и об этом надо знать, чтобы не путать одно с другим. Твёрдое читается

периодами: у него есть время созревания, и оно приходит в свою пору. Нетвёрдое читается мерой поддержки, которую в книге называют счётом благих указаний: насколько подперто то или иное место жизни. Первое привязано к календарю, второе стоит фоном. Различие это рабочее, и я держу его в каждом разборе. Показание, идущее по периоду, я называю сроком. Показание, идущее по счёту поддержки, называю состоянием, которое можно улучшить.

О двух этих орудиях будет своя часть. Здесь скажу то, ради чего написана глава. Человек, услышавший слово «карма», слышит в нём обожжённую глину: всё затвердело, ничего не переделать. А в источнике это слово стоит рядом с другим, и второе слово говорит о глине мягкой. Половина того, что в вас накоплено, ещё в руках гончара, и гончар — вы. Никто не скажет вам заранее, какая половина. Но что она есть, сказано полторы тысячи лет назад, и сказано теми, кто знал о судьбе больше нашего.

6. СТРЕЛА, СПУЩЕННАЯ С ТЕТИВЫ

У двух разрядов накопленного есть имена, которыми индийская традиция пользуется постоянно и которые употребляют часто и неточно. «Прарабдха» – начатое, приведённое в действие, пущенное в ход. Образ взят из стрельбы. Пока стрела лежит на тетиве, лучник волен не стрелять. После спуска стрела летит, и остановить её он не может – он может только отойти с её пути. Так выглядит твёрдое накопленное: оно уже пущено и созревает. «Криямана» – делаемое, то, что производится сейчас, в эту минуту. Стрела, которая ещё на тетиве или в колчане. Делаемое целиком в руках человека, и в этом вся разница между двумя словами.

В нашей школе они зовутся данным и сделанным, потому что по-русски эти два слова стоят так же: одно означает полученное, другое – производимое. Что входит в данное, полезно однажды выписать для себя, и я прошу об этом каждого ученика. Тело и его склад: рост, сложение, выносливость, слабые места. Род: семья, в которой человек родился, её достаток, занятие, связи, долги и нрав. Время: век, в который он пришёл, война или мир. Страна и язык. Первые годы, когда его самого никто не спрашивал. Склад ума: чем он схватывает, чем помнит, чем различает. И устройство его карты: какие стороны жизни у него связаны между собой и в какие

поры что созревает. Посмотрите на перечень, и вы увидите, что в нём нет ни одного пункта, который человек выбирал. И увидите второе: ни один из них не приговор, потому что все они – вещество. Поступка в них нет. Из одного и того же тела, рода, века и склада ума выходят очень разные жизни, и выходят они разными по одной причине: по тому, что человек с этим делал.

Здесь тонкость, на которой спотыкаются. Данное и сделанное стоят в одной и той же минуте, и ни одно из них не отнесено во времени назад или вперёд. Данное – то, что в нынешней минуте уже сложилось: тело, возраст, город, долги, вчерашний поступок и его последствия. Сделанное – то, что человек производит в той же минуте. Стрела в полёте и стрела на тетиве существуют одновременно, и лучник имеет дело с обеими сразу. Отсюда практический вид различения. Всякий раз, когда человек говорит «я ничего не могу сделать», я спрашиваю, о чём речь. Почти всегда оказывается, что часть положения действительно закрыта, а часть открыта, и открытую он не трогал, потому что смотрел на закрытую. Вся работа состоит в том, чтобы развести эти две части, и разводить их приходится заново в каждом деле.

Данное ведётся назад дальше, чем принято думать. Человек собран до рождения по месяцам, и каждый месяц отдан своей планете: Венера соединяет, Марс уплотняет, Юпитер даёт члены, Солнце кости, Луна кожу, Сатурн волосы, Меркурий то, чем ребёнок оживает. Об этом была глава в пер-

вой книге, и здесь она нужна для одного: тело строится теми же силами, которыми потом читают взрослого. Данное начинается задолго до часа рождения, и по месяцам расписано, чем. Карта показывает данное, и показывает подробно. Сделанного она не показывает, и причина не в слабости метода. Сделанного ещё нет на свете, а показать то, чего нет, не может ни одно знание.

Есть место, где данное и сделанное сходятся вплотную, и назвать его надо уже здесь. Данное включает людей: детей, тех, кто от человека зависит, тех, кто верит ему на слово, работников, учеников. Эти люди стоят в карте домами, управлением и связями. Сами они в его жизни – данное. А то, как он с ними обходится, – уже сделанное, и возвращается оно к нему через них же. Об этом будет отдельная глава, потому что свободы там больше, чем где-либо, а говорят о ней реже всего.

7. СТИХ ВЪЯСЫ

Место о двух разрядах кончается в источнике стихом, и этот стих – классическая опора всего разговора о свободе: слабую судьбу разумный человек побеждает усилием. Я привожу его на каждом потоке и каждый раз прошу прочесть медленно, по словам, потому что устроен он точнее, чем кажется.

Судьба названа слабой. Это слово ограничивает: речь о слабой судьбе, и всей судьбы целиком стих не берёт. Побеждает её разумный – тот, кто различает. И побеждает он усилием – словом, которое означает работу, старание, приложенную силу. Три условия, и каждое ограничивает предыдущее. Усилие работает против судьбы, но против слабой. Слабую побеждает человек, но разумный. Разумный действует, и действует усилием; знание о своей карте тут ему не работник. Уберите любое из трёх, и стих превращается в то, чем его обычно делают: в обещание, что стараться надо всегда и что старание берёт всё. Такого обещания в нём нет. Из него делают лозунг «судьбу побеждают усилием», слово «слабую» выпадает, и вместе с ним выпадает вся мера. Человек, поверивший лозунгу, бьётся в стену до изнурения, а потом объявляет всё учение ложью. Одно потерянное прилагательное, и работающее правило становится своей противоположностью.

Я видела, что делает с человеком потерянное прилагательное. Мужчина десять лет бился за дело, которое не шло ни при какой поре, и каждую неудачу объяснял тем, что мало старался: ему сказали, что судьбу побеждают усилием. К концу десятого года он был изнурён и уверен, что учение лживо. Мы прочли стих целиком, и он впервые услышал слово «слабую». Дело его было твёрдым: оно не поддавалось ни на палец при любом усилии, и стих про него ничего не обещал. Он закрыл его в тот же месяц и открыл другое, которое поддалось сразу. Он не стал стараться меньше. Он стал стараться там, где старание работает, и в этом разница между разумным и неразумным в стихе.

Стоит стих там, где кончается разбор двух разрядов, и приложен он к нетвёрдому, к тому, что ещё поддаётся. Слабая судьба – та же незатвердевшая глина. Задача человека – отличить одно от другого и приложить силу туда, где она сработает. Побеждающий назван словом того же корня, что и высшая степень ума в этой науке – различение. Ни сила, ни упорство не названы. Различающий побеждает слабую судьбу, и без различения усилие уходит в пустоту.

Имя Вясы стоит здесь не случайно. Так традиция зовёт составителя Махабхараты и того, кто разделил веды; имя его – знак наивысшего веса. Разбирая устройство созревания, комментатор завершает всё место словом высшего авторитета о человеческом усилии. Тот же ход есть и у самого Варахамихиры, в другой его книге, и его я люблю больше: ум

не радуется, когда успеха не будет, и потому у того, кто отправляется в путь, надо всеми силами выводить, каково его настроение; все приметы, благие и неблагие, лежат на одной чаше весов, а чистота ума на другой, и она приносит победу. Взвесьте, что положено на весы. С одной стороны все знаки, какие есть в мире: небо, приметы, всё, что человеку дано и показано. С другой – ясность его собственного ума в эту минуту. Перевешивает вторая чаша.

Здесь я скажу то, что во введении назвала мистикой. У того же стиха есть первая половина, и без неё вторая читается наполовину: тонкое, следующее за приметами, превосходящее тело и чувства, – этот свет, пребывающий в теле, знает у людей плод трёх времён. В человеке есть нечто тонкое, стоящее выше тела и чувств, и оно знает прошлое, настоящее и будущее. Отсюда имя всей науки: «джйоти», свет. Карту читают счётом, и счёт даёт устройство. Но видит устройство разум, и видит тем яснее, чем он чище: без страха, без сомнения, без желания увидеть определённое. Тогда читающий проводит свет, и говорит человеку то, чего одним счётом не собрать. Я не отделяю это от метода, я ставлю это над ним. Метод нужен для того, чтобы разум был чист: сомнение приходит от незнания, и знание его снимает. А дальше свет проходит сам, если ему не мешать.

И граница, без которой это место опасно. Способность человека видеть традиция признаёт и ставит выше всех внешних знаков вместе взятых. Чего она не делает – не раздаёт эту

способность по карте и не назначает её человеку как вещь, полученную при рождении. Ни ясновидения, ни прозрения карта никому не даёт. Отказ назначать и отказ признавать – разные вещи. Свет есть в каждом. Кто проводит его, а кто нет, решается не расположением планет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЧТО С ЭТИМ ДЕЛАТЬ

8. УКЛОНИТЬСЯ

С каждым разрядом накопленного делают своё, и действий этих три. Первое – для твёрдого и неблагого: узнав неблагой плод периода, следует уклониться от дороги и прочего. Слово, стоящее здесь, означает отход, обход, устранение себя. Образ взят из жизни VI века, где дорога была делом опасным: разбойники, реки, звери, чужая власть. Выйти в путь означало поставить жизнь под удар, и человеку сказано: в такую-то пору не выходи. Чего ему не сказано: Не сказано, что опасность исчезнет. Не сказано, что её отменят обрядом. Сказано: не ставь себя под неё. Так работают с твёрдым: оно приходит, а человек выбирает, где он при этом стоит.

Дороги стали безопаснее, а приём остался, и вот как он выглядит сегодня. Человеку идёт трудная пора. Уклониться означает: он не затевает в эти годы дела, которое требует занимать большие деньги. Не бросает того, что кормит, ради того, что кормить обещает. Не ставит на одну карту то, чего не может позволить себе потерять. Откладывает разрыв, переезд и всякое решение, которое трудно отменить. И при

этом продолжает работать, учиться, лечиться и содержать тех, кого содержит. Уклониться означает отойти в сторону; лечь оно не означает, и разница между этими двумя вещами велика. Уклоняющийся продолжает жить и меняет только меру риска. Остановившийся перестаёт жить и ждёт, когда пора кончится. Первый выходит из трудных лет с тем же, с чем вошёл, а иногда и с большим. Второй выходит пустым, и эта пустота сделана им самим; карта её не делала.

Человек, услышавший о трудном периоде, часто перестаёт делать что бы то ни было вообще. Это остановка, и обходится она дороже самой беды, потому что беда пройдёт со своей порой, а упущенные годы не возвращаются. Я видела, как трудные годы проходили у людей, которые их правильно прожили, и как они же ломали тех, кто лёг и ждал. Разница между двумя людьми в первой главе этой книги, с одним показанием и разными исходами, лежала здесь.

Возьмите двоих в одну и ту же трудную пору. Обоим я сказала одно: два года не занимать больших денег и не рвать того, что держит. Первый закрыл начатое строительство на том, что успел, отложил развод, о котором думал, и эти два года учился и лечился. Второй продал дом, вложил всё в дело, о котором мечтал, и ушёл из семьи, потому что «раз уж пора трудная, всё равно». Пора кончилась в один и тот же месяц у обоих. Первый достроил дом и остался в семье, которую за два года научился ценить. Второй остался без дома и без дела, и семья к нему не вернулась, потому что вернуть-

ся было некуда. Ни у того, ни у другого пора не стала легче. Она была одинаковой. Они стояли в ней по-разному.

Уклонение засчитывается. Это надо сказать прямо, потому что люди считают, что отойти в сторону – значит смалодушничать. В источнике уклонение названо действием, стоящим в одном ряду с даром и обрядом, и разумный человек делает его без стыда. Стрела летит; отойти с её пути – единственно разумное, что можно сделать со стрелой. Тот, кто стоит на месте из гордости, гордость свою и получит вместе со стрелой.

Есть у уклонения и внутренняя сторона, и она важнее внешней. Трудная пора приносит своё вещество: у Марса это раздражение и напор, у Сатурна тяжесть и отчаяние, у Луны качка чувства. Уклониться от вещества нельзя, оно внутри. Но можно знать, что это вещество поры. Правдой о жизни оно не становится. Человек, который в пору Сатурна говорит себе «это тяжесть Сатурна, и она пройдёт», прожил эту пору. Человек, который говорит «моя жизнь не удалась», сделал из вещества поры приговор всей жизни. Уклонение здесь состоит в том, чтобы не подписывать документов, составленных в трудную пору: ни бумажных, ни внутренних.

9. ДАТЬ С ИЗБЫТКОМ

Второе действие обратно первому, и о нём говорят реже всего, а работает оно не меньше: узнав благой плод периода, следует в дороге и прочем давать дар с избытком. Пора благая – вкладывая сверх обычного. Обычное человеческое поведение прямо противоположно: в хорошую пору человек расслабляется, дела идут сами, и усилие кажется излишним. Древнее слово говорит обратное, и причина видна из устройства. Пора – окраска времени, готового плода она не даёт, и в благую пору вложенное даёт больше, чем в трудную. Вкладывать надо тогда, когда идёт легко.

Здесь лежит самая частая потеря в человеческой жизни, и потеря тихая. Тяжёлые поры люди помнят и разбирают годами. Лёгкие поры проходят незамеченными: в них просто живётся, и человек приписывает это себе или случаю. А в лёгкую пору закладывается то, чем он будет кормиться в тяжёлую. Дом, дело, ремесло, круг людей, здоровье – всё это строится, когда есть из чего строить. Тот, кто в хорошие годы жил в своё удовольствие, встречает трудную пору с пустыми руками, и трудная пора у него выходит вдвое тяжелее, чем была отмерена. Я говорю людям в благую пору одно: сейчас, не потом. Всё, что вы откладываете на потом, придётся делать в пору, когда это будет стоить вдвое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.